

талантом О. Димова. Писатель делает Забайкальский текст христоцентричным, способным преобразить душу читателя в трансцензусе сопричастности с Духом Творца, духовного преображения и духовного совершенствования личности в рамках очевидного религиозного опыта. Духовные смыслы автора и героя онтологичны, они присутствуют в культурном времени текста. Духовные смыслы Забайкальско-

го текста О. Димова могут быть освоены каждым новым поколением для познания смысла своего духовного и социокультурного бытия.

Христианское сознание и духовная биография писателя в сочетании с избранным им направлением духовного реализма создают православную доминанту в художественном и публицистическом творчестве забайкальского писателя Олега Димова.

Список литературы

1. Акафист «Слава Богу за всё» [Электронный ресурс]. URL: http://www.wco.ru/biblio/books/akafist_all/main.html (дата обращения 12.09.2014).
2. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных знаний. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
3. Димов О. А. Из жизни в жизнь. Чита: Поиск, 2013. 536 с.
4. Димов О. А. После крещения: православные рассказы. Чита: Поиск, 2013. 64 с.
5. Димов О. А. Рождение человека. Чита: Поиск, 2013. 52 с.
6. Димов О. А. Слово о земле // Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с.
7. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе Русского Зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв: Диссертация... доктора филологических наук. СПб, 2001. 249 с.
8. Мерцалова Л. И. Проблема сердца в русской религиозной философии XIX века: этический аспект: Диссертация... кандидата философских наук. Чита, 2001. 188 с.; Чурсанов С. А. "Лицом к лицу". Понятие личности в православном богословии XX века. М.: ПСТГУ, 2008. 264 с.
9. Слово о погибели Русской земли // За землю Русскую!: Памятники литературы Древней Руси XI – XV веков. М.: Советская Россия, 1981. 520 с.

УДК 82.01/091
ББК 83.3 (2=Рус) 1

Василий Васильевич Липич

*доктор филологических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Россия), e-mail: lipich_v@bsu.edu.ru*

Тамара Ивановна Липич

*доктор философских наук, профессор,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Россия), e-mail: lipich@bsu.edu.ru*

«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою пред Твоим образом...» (к вопросу о религиозности М. Ю. Лермонтова)

В статье рассматриваются вопросы религиозности, духовности и нравственно-философских исканий М. Ю. Лермонтова, направленных на художественное постижение мира и человека.

Ключевые слова: вера, молитва, христианство, духовность, нравственный идеал, романтизм, рефлексия, религиозность, самосознание.

Vasiliy Vasiljevitch Lipich

*Doctor of Philology, Professor,
Belgorod National Research University (Belgorod, Russia),
e-mail: lipich_v@bsu.edu.ru*

Tamara Ivanovna Lipich

*Doctor of Philosophy, Professor
Belgorod National Research University (Belgorod, Russia),
e-mail: lipich@bsu.edu.ru*

«I, Mother of God, now with a prayer before Your image...» (to the question of the religiosity of M.Yu. Lermontov)

The article deals with the questions of religiosity, spirituality and moral philosophical needs of M.Yu.Lermontov in the artistic attainment of the world and man.

Keywords: faith, prayer, Christianity, spirituality, moral ideal, romanticism, reflection, religion, selfconsciousness.

В отечественной философско-филологической науке вопрос о религиозности сознания М. Ю. Лермонтова, об отношении поэта к небесным силам по различным причинам, к сожалению, почти не затрагивался, а если и затрагивался, то крайне осторожно и с некоторой оглядкой, обусловленной различными причинами. Решая его, было бы нелепо становиться на крайне полярные позиции – превращать Лермонтова либо в убежденного атеиста и последовательного богоборца, либо в ортодоксального богопочитателя. Проблема эта гораздо сложнее: сегодня – горькое признание поэта «Я, боже, не тебе молюсь...», а завтра – его смиренное обращение «Я, мать божия, ныне с молитвою пред твоим образом...».

Достаточно длительное время в нашем лермонтоведении упорно насаждалась мысль, будто «всем своим жизнеощущением Лермонтов протестует против «божественной гармонии», против идеи о «лучшем из миров» [2, с. 77], что религиозные мотивы в его поэзии всего лишь «случайность».

Безапелляционно согласиться с такими утверждениями нельзя. Мы считаем, что религиозные представления в творчестве Лермонтова – не случайность, не иносказание, а определенная грань его художественной и нравственно-философской концепции.

Поэтическая мысль Лермонтова о Всевышнем никогда не была движима исключительно логическими импульсами. Для Лермонтова Бог – не затверженная научная категория, не просто одно из бесчисленных и поддающихся «формализации» понятий, каковыми можно умозрительно и всуе оперировать, во многом отходя от их прямого и единственного смысла. Для Лермонтова то, что он видит «в небесах», живет и имеет смысл в значении матричной первопричины всего сущего.

Динамика поэтического творчества и духовного взросления Лермонтова на протяжении всей его жизни протекала от более поверхностного конфликта поэта и толпы, от размышлений о противоречии творческой и обыденной жизни, от опрометчивого юношеского богоборчества («Я на Творца роптал...») – к углубленному осмыслению проблем духа («Я, Мать Божия ныне с молитвою / Пред твоим образом...»). Постигая и представляя словесный образ во всей его художественной полноте, поэт обрел ту глубину поэтического выражения, в которой эстетическое начало соотносимо с религиозным, предопределившим содержание категорий прекрасного и трагического. Романтические образы позднего Лермонтова выявили имманентность религиозного состояния художественному творчеству. Залог глубокой божественной веры Лермонтова проявляется также

и в таком важном и крайне показательном факте, что при всем, казалось бы «богоборчестве» автора, ни у одного из русских поэтов нет такого открытого и постоянного обращения к Богу, нет такого количества стихотворений-молитв, как у Лермонтова. Сознание Лермонтова пронизано ностальгией по христианскому идеалу. Своим «простым и гордым языком» он молился, чтобы «мир и отрада» были вокруг нас, за «молодость светлую, старость спокойную», за «незлбное сердце» [4, II, с. 68]. Его нравственным законом явилось требование, чтобы человек был «небес достоин перед людьми и божеством» [4, II, с. 55].

Глубокая вера человека, его религиозное состояние было воспринято и воссоздавалось Лермонтовым как необходимое свойство бытия человека, а авторское содержание образности – как этапы восхождения к первоистинам и первоистокам, побуждающим творческое воображение к новым свободным проявлениям и обретениям.

Г. Флоровский справедливо отмечает, что «начавшаяся в 20-е годы XIX века философская жизнь как новый модус, или новая ступень народного существования» [7, с. 234] вызвала к осмыслению проблему восстановления духовной целостности личности, вбирающей в себя этический императив христианско-православного мировосприятия.

В связи с названной духовно-нравственной проблематикой, ставшей магистральной для всей русской литературы, в которой «христианство жило, но сказалось вторичными признаками нравственной жажды, ...апостольским началом в ней» [3, с. 279], закономерным представляется обращение Пушкина, а затем и Лермонтова к теме «демонического». Природа демонического волновала Пушкина не только в ее конкретном воплощении в образе демона, как в стихотворениях «Ангел» и «Демон», но и в символическом смысле.

Лермонтов очень рано почувствовал актуальность демонической темы, ее созвучие эпохе и собственному душевному строю. Из-под пера поэта одна за другой выходят такие поэмы, как «Демон» (ранние редакции), «Азраил», «Ангел Смерти», героями которых становятся личности титанические, достигающие внеземного, астрального масштаба. Демоническое, рефлектирующее начало в этот период и количественно, и качественно заглушает отдельные проявления иного мироотношения.

Для Лермонтова размышление о природе «демонического», характеризуемого И. А. Ильиным как «жизнь без Бога», стало стержневым. На это указывает уже тот факт, что

поэму «Демон», вобравшую в себя всю палитру художественных исканий поэта, он создавал на протяжении всего творчества. «Демоническая» тема актуализировала глобальную проблему эпохи – утрату человеком целостности в истине и смысле, добре и Боге. Сопрягаясь с проблемой свободы в добре и зле, «демоническая» тема наполнилась гносеологическим пафосом в его устремлении к абсолютным ценностям.

Важным и принципиальным смыслом наполняется и тот факт, что художественное исследование «демонического», развернутое Пушкиным и Лермонтовым в пределах одноименных стихотворений, имеет множество прямых образных и мыслительных параллелей. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что у Пушкина стихотворение названо «Демон», а у Лермонтова – «Мой демон». Художественное сознание Лермонтова выразило всю степень отчаянья и разочарования человека, усомнившегося в Боге. «Демоническое» исследовалось им изнутри, представляя в опыте глубоких экзистенциальных переживаний личности. Лермонтов как «прямой наследник Пушкина» выявил трагическую диалектику и метафизический смысл «демонического» состояния.

Динамизм и полярность художественного сознания поэта актуализировали похристиански мучительный поиск «живого» знания истины о себе и мире, поиск Бога в себе.

Гений Лермонтова явил читателю эти сокровенные тайны сердца и увлек за собой на тернистый путь самоопределения в вере и истине. Одновременно поэту удалось сломать логику банального смысла, разрушить механизмы ограничения сознания. Он отказался от соблазна рационального мышления, руководствующегося статическими образами, игнорирующего бесконечность связей мира, неисчерпаемость и индивидуальность объекта познания. Антиномичность, ставшая неотъемлемым свойством его художественного стиля, сознания в целом, позволила Лермонтову постичь многослойную и трагическую диалектику земного бытия личности.

Действительно, лермонтовский герой реагирует на звуки молитвы, подпадая под власть их «непонятной святой прелести». «Очищение словом» – это своеобразное перерождение лирического «я», которое не устраняет человеческой активности, а само является результатом чуть ли не героического свершения. Стремление лермонтовского героя к «непонятной благодати» вознаграждается, в одном случае, верой и очистительными слезами, в другом – волнением и контактностью с миром высшим. У Лермонтова, несмотря на принципиальное разведение миров человеческого и трансцендент-

ного, все-таки, остается возможность трансцендирования – хотя и утопического.

При всем трагизме лирики Лермонтова требует некоторого объяснения и ее напряженный драматизм, который поддерживается борьбой двух начал: критического, идущего от рефлексии холодного ума, и утопического, питающегося «святым чувством» – надеждой. Излюбленная антитеза Лермонтова «вера – опыт» – одна из ведущих антиномий внутреннего мира его лирического героя: Но вере теплой опыт холодный / Противуречит каждый миг, / И ум, как прежде безотрадный, / Желанной цели не достиг... [4, I, с. 318].

В зрелый период творчества антитеза «вера – опыт» разрабатывается Лермонтовым с более глубокой аналитичностью. При этом оба крайних члена антитезы обособляются и приобретают самостоятельное значение. С одной стороны, появляются стихотворения, в которых лирический герой становится на позиции холодного опыта и поэтому отрицает все чувства, все упования человеческие («И скучно и грустно», «Валерик»), с другой – стихотворения-молитвы, в которых безраздельно господствует вера, но теперь уж не как черта «покорности незнания», а как основная устремленность лирического сознания.

В принципе – вся поэзия Лермонтова исполнена религиозным чувством. Богоборчество и демонизм, о которых исследователями немало сказано, – не что иное, как формы проявления этой религиозности. Попытка же либо «развести» их как противоположности, находящиеся в состоянии борьбы [6, с. 395], либо, наоборот, соединить в парадоксальный, но закономерный симбиоз, вряд ли, с нашей точки зрения, оправданы.

В свете сказанного можно, по-видимому, утверждать, что религиозная поэзия Лермонтова, в том числе его так называемое богоборчество, не носили антихристианского характера и развивались под знаком *Страх Божия* как одной из важнейших составляющих православной жизни. *Страх Божий*, объясняет догматика, – это не только опасение наказания, но и удивление, трепет, священный ужас перед величием мироздания, которые на дальнейших стадиях духовного роста личности переходят в абсолютную сыновью любовь к Богу.

Эпоха романтизма вновь вернула человеку его духовное измерение, и теперь уже величие человека вытекало из божественной природы его души. Границы человеческой природы неизмеримо расширились, однако «это не было апофеозом эгоцентризма, грозившим крайним индивидуализмом... Это был, скорее, романтический космизм, представлявший как бы зер-

кальный вариант пантеизма: не Бог растворялся в мире, но мир растворялся в человеке» [5, с. 72].

Какое «я» противопоставляет толпе Лермонтов? Это «я», все отношения которого с миром и самим собой психологически заострены. Лермонтов любит и ненавидит, страдает, чувствует, надеется *иначе*, чем другие. Если он любил «всем напряжением душевных сил», то они – «шутя»; если в нем заключена «пламенная душа», то в них, в других, души «волн холодной»; если он несчастлив, то они «счастливы в пыли». Как видим, все контрасты с толпой представлены у него по линии эмоционально-психологического неродства. И нам в данном случае неважно, что за ним мы вправе угадывать несовместимости более высокого порядка. Важно, что сам поэт осознавал их таковыми.

Романтизм для Лермонтова был исторически неизбежной формой творчества. Отсутствие реальной возможности опоры в само-

сознании на народную силу приводит к неизбежному и новому обращению поэта к образу бунтаря. Как писал А. И. Герцен, «надо было обладать беспредельной гордостью, чтобы, с кандалами на руках и ногах, высоко держать голову» [1, с. 224].

В заключение хотелось бы отметить, что лермонтоведение пока еще не преодолело инверсионности. Оно то отлучает поэта от лика и обвиняет в гордыне, то причисляет его к лику вестников и прорицателей. Вместе с тем чувствуется, что лермонтоведение, как и пушкинистика, ищет основательные религиозно-философские ориентиры для анализа творческого мышления поэтов. И появление в нашем литературоведении такого исследовательского вектора, как «религиозная филология» (терминология С. Г. Бочарова), безусловно, не может не вдохновлять исследователей на новые изыскания и не радовать новыми находками.

Список литературы

1. Герцен А. И. Сочинения: В 9 тт.. М.: Гослитиздат, 1955–1958. Т. 7.
2. Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л.: Гослитиздат, 1940. 224 с.
3. Глинка-Волжский А. С. Христианские переживания в русской литературе // Вопросы жизни. 1905. Апрель-май.
4. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 тт. М.: Воскресенье, 2001–2002.
5. Семенов Л. Е. Христианство и романизм: об эпохах развития представлений о личности в европейской мысли // Человек и культурно-историческая традиция. Тверь, 1991. с. 66–75.
6. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 699 с.
7. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1994. 605 с.

УДК 81
ББК 81.411.2

Наталья Юрьевна Печетова

кандидат филологических наук, доцент,

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск, Россия),

e-mail: pechetovan@mail.ru

Языковые средства выражения хронотопа в художественном произведении

Рассматриваются языковые средства организации художественного времени и пространства в рассказах Л. Петрушевской. Художественное время представлено как реальное и нереальное, средствами послужили глаголы прошедшего и настоящего времени, предикаты движения. Художественное пространство в рассказах многомерное, характеризуется переплетением двух и более пространств, обозначено глаголами движения, а также предложно-падежными формами с локальным значением.

Ключевые слова: хронотоп, языковые средства, предложно-падежные формы, видо-временные формы глагола, синтаксические конструкции.

Natalia Yurievna Pechetova

candidate of philological Sciences, associate Professor,

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia),

e-mail: pechetovan@mail.ru

Language means of expression of the chronotope in the work of art

We consider the organization of artistic language means time and space on the material of L. Petrushevskaya. Found that while art is presented as the real and the unreal, the means were the words of the past and the present, the predicates of movement. Art space in the stories of a multidimensional, characterized by interlacing two or more spaces designated verbs of motion, as well as prepositional-case forms to the local value.

Keywords: time-space, language tools, parts of speech, syntax.